

18+

Геннадий Дмитриев

Графоман

повесть

Геннадий Дмитриев
Графоман. Повесть

«Издательские решения»

Дмитриев Г. И.

Графоман. Повесть / Г. И. Дмитриев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984198-8

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Каждый, кто когда-либо брался за перо, невольно задавал себе вопрос: зачем он пишет? Что для него сочинительство? Жизненная необходимость либо болезненная страсть, называемая графоманией? Разве мало написано книг? К чему создавать ещё одну? Будет ли то, что написано, выстрадано, вымучено бессонными ночами, интересно ещё кому-то, кроме автора? Как опубликовать своё творение? Герой этой повести продал квартиру, чтобы опубликовать ещё не написанный роман. Что же из этого получилось?

ISBN 978-5-44-984198-8

© Дмитриев Г. И.
© Издательские решения

Содержание

Поэтический конкурс	6
Публикация	10
Коммерческий сборник	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Графоман Повесть Геннадий Иванович Дмитриев

© Геннадий Иванович Дмитриев, 2020

ISBN 978-5-4498-4198-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Поэтический конкурс

Кандидат технических наук, старший научный сотрудник Василий Петрович Гаврилов, выйдя на пенсию, почувствовал себя писателем. Не то, чтобы тяга к литературному творчеству возникла вдруг, внезапно, нет, он и в юности, в студенческие годы, писал стихи, рассказы; писал их Василий Петрович всю свою жизнь, но нигде, кроме стенных газет, работы свои он не публиковал.

Конечно, мысль о том, чтобы отослать свои стихи в какой-нибудь литературный журнал, периодически у него возникала, но опасение быть не понятым, отвергнутым, брало верх над желанием добиться публикации своих сочинений. Читая в журналах и газетах стихи известных и не очень известных, а то и совсем незнакомых ему авторов, Василий Петрович пришел к выводу для себя неутешительному, – в его стихах не было той идеологической направленности, которая открывает двери редакций журналов и газет авторам, пусть и не очень талантливым, но настойчивым в своем желании приобщиться к кругу так называемой творческой интеллигенции.

Однажды ему попала статья одного именитого поэта, посвященная столь распространенному явлению в поэзии, как графомания. Автор статьи утверждал, что и у графомана могут совершенно случайно возникнуть воистину гениальные строки, но лишь по причине того, что сам графоман «не ведает, что творит». Василий Петрович, проанализировав свои стихи с точки зрения автора статьи, явных признаков графомании в них не обнаружил, хотя и гениальных строк в них также не нашёл. Он решил, что в графомании можно уличить любого пишущего и, опасаясь такого ярлыка, от которого избавиться потом будет практически невозможно, решил воздержаться от попыток публикации своих стихов.

Писал он от случая к случаю, заниматься же сочинительством всерьез у него просто не было времени. Окончив аспирантуру и защитив диссертацию кандидата технических наук, он трудился страшим научным сотрудником в одном из подмосковных НИИ, находившемся в ведомстве Министерства обороны. Когда же Советский Союз рассыпался на множество обломков в виде независимых государственных образований, Василий Петрович из института уволился и возвратился в свой родной город Понтополь, что раскинулся на побережье где-то между Одессой и Николаевом.

Предвижу недоумение читателей, пытающихся отыскать этот небольшой городок на карте или соображающих, какой из реально существующих городов на побережье назвал сочинитель этим именем. Уверяю вас, вы напрасно тратите время, позиция сочинителя выгодна не только тем, что он может придумывать людей, определять их судьбы, а и тем, что может выдумать и место их жительства в виде города со своим названием, и расположить этот город там, где ему вздумается. Предвижу ещё один вопрос: а имеет ли сочинитель такое право? Уверяю вас, что имеет, и доказательством тому служит множество сочинений известных миру авторов, скажу больше, сочинитель имеет право придумать и логику подведения своих героев, мотивацию их поступков отличную от привычной всем нам. Вы спросите, для чего это нужно? А вот для чего. Расскажу вам одну историю.

Как-то раз командир полка отдал приказ полковому парикмахеру: брить тех и только тех, кто не бреется сам. Как поступать в этом случае парикмахеру с самим собой? Брить или не брить? Но если он будет брить себя, то есть бриться сам, то, согласно приказу командира, он брить себя не имеет право, так как бреется сам, а если не будет бриться, то брить себя будет просто обязан, однако при этом он уже будет бриться сам, потому брить себя не имеет права, иными словами, приказ командира в отношении себя он выполнить никак не может. «Что за глупости?! – Возмутитесь вы. – Ведь это же известный в математике Парадокс Рассела! Именно он и привел к созданию неклассической логики!» Вот именно, логика героев нашего

повествования не будет соответствовать классической, может ли укладываться в рамки привычной всем нам логики поступок человека, продавшего квартиру ради того, чтобы создать свой, частный театр или опубликовать роман? Но не будем забегать вперёд.

Для читателя, никогда прежде не слышавшего о городе под названием Понтополь, следует привести некую историческую справку, город этот был основан древними греками, и назывался Понтополис Эвксинский, от древнегреческого названия Чёрного моря, Понт Эвксинский. В более позднее время, когда Османская империя захватила черноморское побережье, основав крепости: Измаил, Бендеры, Хаджибей, городок этот получил тюркское имя Хаджибулат, но после взятия Измаила русской армией под командованием Суворова и основания Одессы, городу вернули прежнее греческое название, несколько его сократив, теперь он стал называться просто Понтополем.

Возможно, этот город и стал бы крупным портом, известным всему миру, как, например, Одесса, но бухта, на берегах которой расположен Понтополь, имеет довольно узкий вход, окруженный опасными скалами, что делает её пригодной для стоянки лишь небольших рыболовецких судов. Конечно, для древнегреческих галер бухта эта вполне подходила, но время шло, небольшие гребные суда ушли в прошлое, и граф Потемкин для строительства порта, способного удовлетворить потребности все растущего товарного оборота Российской империи, вынужден был искать новое место на побережье, где и была основана Одесса. А Понтополь, несмотря на своё древнее происхождение, так и остался небольшим рыболовецким портом. Позднее, когда в Одессе был основан Новороссийский императорский университет, в Понтополе был учрежден Понт-Эвксинский университет, сохранивший своё название до настоящего времени, кстати, именно некий профессор кафедры филологического факультета этого университета и доказал, что известное выражение «брать на понт» происходит от названия нашего города.

Да-да, не удивляйтесь, это именно так, дело в том, что в Понтополе была самая высокая цена на рыбу на всем побережье, объяснялось это сложностью входа в бухту, особенно в штормовую погоду, и купцов, что пытались торговаться, рыбаки «брали на понт», предлагали им выйти на рыбную ловлю вместе с ними в бурлящее штормовое море, чтобы купцы смогли почувствовать, как достается рыба понтопольским рыбакам, купцы соглашались на любую цену, лишь бы избежать этого опасного предприятия. Выражение «брать на понт» буквально означало взять в море (жители Понтополя до сих пор называют море понтом), но позднее выражение это приобрело несколько иное, широко известное сегодня, значение.

Итак, вернувшись в свой родной город, единственным крупным предприятием которого был известный на весь мир своими «черноморскими кильками» консервный рыбозавод, Василий Петрович Гаврилов устроился работать на этот самый завод заместителем начальника вычислительного центра. Проработав там более десяти лет, он, наконец-то, вышел на пенсию и решил заняться тем, к чему он ощущал стремление всю свою жизнь, откладывая это на потом.

И теперь, когда появилось достаточно свободного времени, чтобы попытаться реализовать своё стремление, Василий Петрович решил всерьёз заняться литературой. Читая монографии и статьи, посвященные писательскому мастерству, он приобрел тот необходимый минимум знаний, который позволял ему приступить к литературной деятельности со всей серьёзностью. Он, как научный сотрудник, не терпел дилетантского подхода к любой работе, справедливо считая, что способности к творчеству невозможно реализовать без знаний, накопленных в этой области многими поколениями литераторов.

Но он не знал, как и с чего начать, случай подвернулся внезапно, когда он прогуливался по улице в тени платанов, не преследуя определенных целей, и от нечего делать читал рекламы и объявления, попадавшие ему на пути. Объявление на дверях старинного, немного обшарпанного здания привлекло его внимание, оно гласило, что в литературном доме Кирилла и Мефодия состоится поэтический конкурс, в нем могут принять участие все желающие поэты.

Далее был указан порядок подачи заявки и условия конкурса. Осмотрев внимательно здание, Василий Петрович понял, что это и есть тот самый литературный дом, в котором через месяц состоится указанный в объявлении поэтический конкурс.

«Странно, – подумал Василий Петрович, – причем здесь Кирилл и Мефодий?». И действительно, ну какое отношение имеют Кирилл и Мефодий к этому небольшому городку, затерянному где-то на черноморском побережье? Да, никакого! Естественно, сочинитель может доказать без труда, что именно здесь, в этом месте побережья, прибыв из Византии, и высадились знаменитые монахи. Но ничего подобного не случилось, ни Кирилл, ни Мефодий к городу Понтополю никакого отношения не имели, а названием своим этот литературный дом обязан местному олигарху, меценату, в прошлом бандиту, возглавлявшему одну из организованных преступных группировок, а ныне народному депутату, члену городского совета, Мефодию Кирилову.

Не подумайте, что родители нарекли своё дитя таким странным именем, нет, они нарекли младенца Михаилом, но по каким-то, известным одному Мише Кирилову причинам, во время первого своего путешествия в места не столь отдаленные, получил он погоняло Мефодий, которое так срослось с ним, что даже став депутатом, расставаться с этим прозвищем он не захотел.

Напрасно вы думаете, что все преступники мечтали с самого детства об убийствах, грабежах, налетах и прочих преступлениях, нет, Миша Кирилов в детстве мечтал стать поэтом, он даже пытался опубликовать свои стихи в местной газете, но был отвергнут редактором, не имевшим ни малейшего понятия о том, кем станет в недалеком будущем отвергнутый им поэт. Достигнув и денег, и власти, и всего прочего, о чем Вы, дорогой читатель, могли бы только мечтать, Мефодий Кирилов никак не мог достичь одного – литературной славы. И тогда, решив стать меценатом, он и организовал этот литературный дом, и чтобы увековечить свое имя в литературе, назвал его литературным домом Мефодия Кирилова. Однако знающие люди подсказали ему, что более эффектно было бы назвать его именем Кирилла и Мефодия, и благодать, исходящая от этих святых имен, будет распространяться и на него, Мефодия Кирилова.

Василий Петрович отобрал из своих стихов два, которые, по его мнению, могли быть представлены на конкурс, внёс кое-какие правки и распечатал в пяти экземплярах, как требовали организаторы, а на следующий день утром отнёс их в известный литературный дом. Молодая женщина приятной наружности зарегистрировала его заявку и дала номер телефона, попросив позвонить через два дня, уточнить, приняты ли его работы для участия в конкурсе.

Через два дня Василий Петрович позвонил, назвал себя, и не успел ещё задать вопрос, как приятный женский голос ответил, что стихи его приняты, и он приглашен на конкурс в качестве участника. На призовое место Василий Петрович не рассчитывал, но сам факт, что стихи его оказались достойными участия в конкурсе наряду с другими, уже казался ему результатом положительным.

В назначенный день он пришёл в литературный дом заранее, зарегистрировался, получив карточку с номером своего выступления, и занял место в зале, не слишком близко от сцены, но и не слишком далеко. Зал, где проводился конкурс, был небольшим, уютным с высоким потолком, четыре окна, занавешенные тяжёлыми светлыми шторами, занимали всю левую стену, на правой стене висели иконы с ликами Кирилла и Мефодия, рисунки обложек книг с витиеватыми шрифтами, цитаты из Библии. На сцене, отделённой от зала невысокой ступенькой, слева стояло пианино, посреди сцены – трибуна с микрофоном для выступающего, а рядом с ней, чуть позади, стол для жюри с тремя микрофонами.

Председательствовал в жюри член Союза писателей, издатель литературного журнала Валерий Воронский, высокий, стройный мужчина лет сорока с пожелтевшими усами, выдававшими заядлого курильщика. Члены Понт-Эвксинского Союза писателей, известные в городе поэты: Вероника Зубова, миловидная молодая женщина в строгом костюме темного цвета,

и Ефим Семенов, лет сорока, в сером костюме, с профессорской бородкой клинышком – весь состав жюри, занявший свои места за столом позади трибуны.

Членом какого Союза писателей был издатель Воронский, нам неизвестно, а вот Понт-Эвксинский Союз писателей объединял... нет, не подумайте, что он объединял поэтов и писателей всего черноморского побережья, объединял он только литераторов этого небольшого южного городка, за пределами которого об этом Союзе писателей никто никогда ничего не слышал.

После вступительной речи председателя поэты начали читать. Василий Петрович волновался, ему не впервой было выступать перед публикой с докладами на различных семинарах, симпозиумах, научных конференциях, но там он представлял свои научные работы, читать же свои литературные сочинения перед широкой публикой ему пришлось впервые. Шёл он девятым номером, не в самом начале, что давало время оценить предыдущих конкурсантов и успокоиться, но и не в конце, когда уже и участники, и те, кто пришел их послушать и поддержать морально, и жюри успеют устать и станут слушать рассеяно, временами поглядывая на часы.

Услышав свою фамилию, Василий Петрович поднялся, прошёл на сцену, встал за трибуну, поздоровался с залом и не спеша начал читать. Читал он спокойно, уверенно хорошо поставленным голосом, по реакции зала, которую чувствуют те, кому приходится часто выступать перед аудиторией, Василий Петрович понял – стихи понравились. Конечно, как он и ожидал, призового места ему не присудили, но после того, как были подведены итоги, его пригласили к столу жюри и предложили участвовать в сборнике «Понт-Эвксинской поэзии». Издавался сборник за счет авторов, но, поскольку авторов было немало, то сумма оказывалась не такой уж значительной. В неформальной обстановке, которая сложилась в зале после конкурса, Василий Петрович узнал, что в городе существуют несколько поэтических студий, и получил приглашения посетить их, прочесть свои стихи.

Публикация

Прошло почти полгода с тех пор, как Василий Петрович выступил на своем первом литературном конкурсе, он посещал различные поэтические студии, где его тепло принимали, слушали его стихи, словом, он стал своим человеком в литературных кругах города. И вот однажды ему позвонил Воронский и сообщил, что вышел новый сборник «Понт-Эвксинской поэзии», именно тот, в котором опубликованы стихи Василия Петровича, и забрать положенные ему экземпляры он может прямо сейчас. Новость Василия Петровича обрадовала, наконец-то, его литературное творчество оформилось в виде изданных произведений, правда, их было не так и много, в сборнике ему отводилось три страницы печатного текста. Но это было признание того, что и его стихи были достойны публикации наряду со стихами других, уже известных в городе, поэтов.

Василий Петрович не стал откладывать свой визит, тут же, не мешкая, собрался и поехал к Воронскому, который жил в центре города в старом трехэтажном доме, что изобиловал «коммуналками», но у Воронского квартира была отдельная, доставшаяся ему ещё от деда. Побродив несколько минут по подъездам и этажам, он наконец отыскал нужный номер квартиры и позвонил в высокую, обтянутую коричневым дерматином дверь. Открыл дверь сам хозяин, одетый по-домашнему, в махровом халате и тапочках на босу ногу.

– Проходите, проходите, друг мой, рад, что Вы сразу же приехали, – произнёс Воронский густым хриловатым басом, пропуская гостя в комнату, – хотите чаю?

Изобразив неловкую улыбку, Василий Петрович от чая отказался, он пожалел, что явился с пустыми руками, не прихватив даже коробки конфет, что следовало бы сделать при первом визите, и, извинившись, присел на предложенный ему стул.

– Вот Ваши десять экземпляров, – сказал Воронский, вручая Василию Петровичу толстые журналы в мягкой обложке, – можете их продавать, дарить друзьям, обменивать, словом, делайте с ними всё, что Вам заблагорассудится.

Поболтав несколько минут о поэзии, о погоде и текущей политике, он решил откланяться. Вышел на улицу. Вечерело, стояла поздняя, сырая, промозглая осень. На асфальте блестели лужи от вчерашнего дождя, ветер, холодный и порывистый, гнал вдоль тротуара последние намокшие листья, низкие серые тучи ползли над самыми крышами унылых мокрых домов. Радостное настроение, охватившее Василия Петровича при виде своих работ в печатном издании, сменилось некой опустошенностью, на душе стало сыро и холодно, как и в этом промокшем, хмуром, простуженном городе.

Несмотря на то, что он уже довольно давно, несколько последних лет, не принимал спиртного, ему вдруг почему-то ужасно захотелось выпить. По пути ему попала старая, расположенная в полуподвальном помещении пивная, знакомая Гаврилову ещё со студенческих времен. Спустившись по двенадцати истертым ногами пьяниц ступеням, Василий Петрович окунулся в давно забытую атмосферу – над столиками синими клубами висел густой вонючий табачный дым, запах которого смешивался с кисловатым запахом скверного пива, в воздухе стоял глухой гул пьяных разговоров, прорывавшихся сквозь хрипы музыки, несущейся из динамиков дешёвого музыкального центра.

Со студенческих времен в этом заведении практически ничего не изменилось, кабачок этот не стал ни лучше ни чище, всё тот же заплесанный пол и грязные столы, закопченный табачным дымом потолок, и стены, покрытые многолетними слоями местами облупившейся краски, испещренные различными, не всегда произносимыми в приличном обществе, надписями. Кабак этот имел такой же вид и во времена студенческой молодости, и тогда, когда Василий Петрович вернулся в свой город после долгих скитаний по стране.

Правда, в те времена, когда он вернулся, а это, как Вы, наверное, помните, были времена расцвета частного предпринимательства, в соседнем дворе открылся довольно приличный пивной бар. В нем была несвойственная подобным заведениям прошлого чистота, аккуратные, опрятные столики, салфетки, чисто вымытые бокалы, отливающие хрустальным блеском, всегда свежее неразбавленное качественное пиво, и сам хозяин бара интеллигентного вида ничем не напоминал шумных, неопрятных продавщиц пивных ларьков с грубыми повадками. Но постоянные визиты то пожарной инспекции, то санэпидемстанции, то налоговой службы, которые по непонятной, по-видимому, неклассической логике, обходили соседнее заведение стороной, привели к тому, что хозяин бара разорился и заведение свое закрыл.

Вы наверняка подумаете, что такого просто не может быть, ведь это же противоречит нормальной логике, закрыть бар, где царит чистота и порядок, и совершенно не обращать внимания на грязный кабак, где ещё и пиво некачественное, да и то разбавляют. Но вспомните парадокс Рассела, ведь в нашем повествовании речь идет о неклассической логике, а с точки зрения этой неклассической логики возможно даже то, что с точки зрения логики обыденной, нормальной, кажется совершенно нелогичным.

Василий Петрович взял бокал пива, и только устроился за пустым столиком, надеясь в полном одиночестве предаться нахлынувшим на него размышлениям, как к нему подсел человек с кружкой пива, явно ищущий собеседника, чтобы излить первому встречному свою, одурманенную хмельным туманом, душу. Через несколько минут пустых разговоров «ни о чем», которые обычно возникают в подобных заведениях между случайными собутыльниками, точнее, братьями по бокалу, собеседник его вдруг внезапно затих, внимательно взглядываясь в лицо Василия Петровича, затем, всплеснув руками, воскликнул:

– Вася! Ты? Быть этого не может!

Теперь пришла очередь удивляться Василию Петровичу, он внимательно всмотрелся в лицо своего соседа по столику, и воскликнул:

– Володя?! Ромашкин?! Да, ты ли это?

– Я, Вася, я, Вальдемар Ромашкин, режиссер, директор и художественный руководитель своего собственного драматического театра, собственной персоной! – при этом Володя поклонился и протянул Василию Петровичу руку.

Василий Петрович взял протянутую ему руку, крепко пожал, но Ромашкин не спешил её отпускать, а долго тряс руку, кивая пьяной головой, постоянно повторяя: «Режиссер, директор и художественный руководитель собственной персоной». Володя, как заметил Василий Петрович, почти не изменился со школьных лет, лишь немного располнел, всё те же черные, слегка выющиеся, волосы, длинный тонкий нос с небольшой горбинкой выделялся на худощавом, узком лице.

Дело было в том, что Вася Гаврилов и Володя Ромашкин когда-то очень-очень давно учились в одном классе, но после выпускного вечера дороги их разошлись, и больше они до сегодняшнего дня не виделись. Володя ещё в школе увлеченно играл в театре художественной самодеятельности, а после, кажется, поехал в Москву поступать в Щукинское училище.

– Ну, рассказывай, как ты стал режиссёром, – спросил Василий Петрович, – чем занимаешься, как живешь?

– А что тут рассказывать? Закончил «Щуку», был актером в нашем театре, потом в Харькове режиссерский, заочно, конечно, и вот решил свой театр организовать.

– Свой театр? Это круто! Но как? На какие шиши?

– Квартиру продал, – гордо мотнув головой, ответил Вальдемар, – квартира у меня была, трехкомнатная, в новом районе. Деньги за неё хорошие дали, вот, арендную помещению в центре, плачу актерам жалование, расходы, конечно, но скоро, очень скоро будем хорошо зарабатывать, на гастроли поедем, денег будем грести немерено, а сейчас, пока, одни расходы. Знаешь, сколько стоит декорации к спектаклю оформить?

– Понятия не имею.

– О...о...о, – протянул Вальдемар, – не знаешь... да откуда тебе? Но, ничего, скоро всё наладится, скоро, тогда я тебя не в этот кабак приглашу, а в такой ресторан, в такой ресторан, в котором ты никогда не был. А этот кабак, что? Дрянь! Сушья дрянь, Вася.

– А живешь-то где?

– Живу? А, так я ведь живу у своей жены, знаешь дом на Парусном спуске, ну тот, аварийный? Знаешь?

– Знаю, – ответил Василий Петрович, – как не знать.

Этот трехэтажный дом в самом конце Парусного спуска, покосившийся, подпёртый со стороны улицы четырьмя бревнами, был известен всему городу, каждый очередной кандидат в мэры во время своей предвыборной кампании клятвенно обещал предоставить квартиры всем жильцам аварийного дома, построив специально для них новый. Вполне возможно, что намерения кандидатов были искренни, но как только новоиспеченный мэр запрашивал материалы по этому дому, то тут же приходил в ужас, стараясь поскорее забыть всё, что с этим домом было связано. А дело было в том, что по странным, никак не понятным нам законам неклассической логики, в доме этом, подлежащем сносу, было прописано столько и ближайших, и ближних, и дальних, и всяких-прочих родственников, что решить проблему можно было только построив город, ничуть не меньший того, в котором дом этот находился.

– Ну, а ты-то как, Вася? Как живёшь? Что делаешь?

– Да, на пенсии я, скоро уж год как на пенсии, нигде не работаю, отдыхаю, так сказать.

– А жена? Дети?

– Дочка замужем, давно, сейчас в Питере живёт с мужем, а с женой я развёлся, так что один живу.

– Один живешь и ничем не занимаешься? Слушай! А иди ко мне в театр?

– Да я ведь не актер, – недоуменно возразил Василий Петрович.

– Ну и что, что не актер, иди монтировщиком.

– Монтировщиком? Это как?

– Ну так, декорации устанавливать, и прочие всякие разные работы по сцене. Всё равно ведь ничего не делаешь, скучно. А так, в коллективе, на людях.

– Да, я, понимаешь, это... тут на досуге немного литературой занялся, пишу рассказы, повести, роман, вот, написал, теперь над новым романом работаю.

– Как?! Ты писатель?! Это ж надо, с какими людьми довелось учиться! Где публикуешься?

– Да, честно говоря, нигде. Так, в сборнике, вот, стихи опубликовали, – Василий Петрович показал пакет, в котором лежали десять экземпляров только что вышедшего сборника.

– Где продается?

– Нигде не продается, – тоскливо ответил Василий Петрович, – за свои деньги печатаем, между собой распространяем, вот и все публикации.

– Это ужасно, Вася. Это ужасно! Талант нужно реализовать, талантливые люди должны жить красиво, – Ромашкин отвел в сторону руку с бокалом, делая широкий театральный жест, едва не зацепив проходящего мимо посетителя.

– Эй, придурок! Поосторожней тут бокалом размахивай! – проворчал посетитель.

– Извините, любезный, извините, – пробормотал Ромашкин и, повернувшись к Василию Петровичу, продолжил: – Вот видишь, мы с тобой, двое талантливых людей, сидим в этом грязном, вонючем кабаке, пьём это гнусное, вонючее пиво, а какие-то бездари сидят в шикарных ресторанах и пьют виски, коньяк, шампанское. Так быть не должно, талант должен стоить денег, нужно только реализовать себя.

– Ну, ты, реализовал? – не совсем твердым голосом спросил Василий Петрович.

– Ещё не полностью, так сказать, но скоро, очень скоро... а ты, ты должен, непременно должен опубликовать свой роман, – Ромашкин снова поднял бокал. – Давай, за нас, за тебя, за твой талант, Вася, ну, и за меня, конечно.

Они чокнулись, выпили, Ромашкин рассмеялся.

– Для того, чтобы опубликовать роман, Володя, нужны деньги.

– Вальдемар, – поправил Ромашкин, – называй меня Вальдемар. Нужны не только деньги, нужно имя, имя, Вася, имя. Вальдемар Ромашкин – это звучит,

режиссер Вальдемар Ромашкин, – пробормотал он, растягивая слова, – звучит?

– Звучит, Ромашкин, звучит, – заплетающимся языком ответил Василий Петрович.

Только денег для публикации романа мне взять негде.

– Как это, негде? – удивился Ромашкин. – У тебя квартира есть?

– Ну, есть.

– Твоя?

– Ну, моя.

– Тогда, продай квартиру, купи домик, где-нибудь в деревне, и опубликуй свой роман. Ха! Бери пример с меня, вот увидишь, как скоро стану я известным и богатым!

Но ни известным, ни тем более богатым Вальдемар Ромашкин не стал, театр его просуществовал чуть более трех месяцев. Премьера спектакля, на которую так рассчитывал Ромашкин, с треском провалилась, аншлага не было, сборы не превышали недельного заработка дворника, платить за аренду было нечем, впрочем, как и нечем было платить зарплату актерам, которые тут же разбежались, а Вальдемар Ромашкин, вновь став Владимиром, возвратился в свой местный театр на должность актера, но уже не первой категории, с которой он ушёл в режиссеры, а второй, поскольку место его было занято.

Сколько бокалов пива было выпито в тот вечер, пожалуй, ни Василий Петрович, ни Ромашкин, ни тем более сочинитель этой истории уже и вспомнить не смогут, но, как говорил царь Соломон, всё проходит, вот и этот вечер прошёл, пора было расходиться по домам, пока оба друга были ещё в состоянии дойти до автобусной остановки. Поднявшись по ступенькам, которых, на удивление, оказалось значительно больше, чем тогда, когда они спускались в подвальчик, друзья оказались на улице. Стемнело, тусклые фонари на столбах с трудом освещали пространство, начинался мелкий, противный, морозящий дождь.

– Мне туда, – показал рукой в темноту Василий Петрович, – там мой автобус.

– А мне туда, – показал в противоположную сторону Ромашкин. – А ты где живешь?

– На Черёмушках.

– А...а...а... – понимаю, знаю, я тоже там жил, раньше. А теперь, впрочем, ты знаешь...

Дом, конечно не очень, но рядом с морем.

Известный уже нам дом под двадцать седьмым номером по Парусному спуску действительно стоял у самого моря, точнее у рыбной гавани, и ко всем неудобствам жителей этого дома добавлялся ещё и стойкий, крепкий запах рыбы, проникающий во все щели, особенно, когда ветер дул с гавани.

Василий Петрович жил на Черёмушках, так назывался в Понтополе район новостроек. Когда-то, в пятидесятых годах в Москве, на месте, где находилась деревня под названием Черёмушки, построили новый жилой массив из крупноблочных домов, прозванных в народе «хрущевками». С тех пор в каждом городе, то ли по причине подражания столице, то ли в силу недостатка фантазии, все новостройки стали называть Черёмушками. Не смог избежать этого и Понтополь, хотя никакой деревни на месте нового района на окраине города прежде не было, да и черемуха в этих краях никогда не росла.

– А как жена твоя отнеслась к тому, что ты квартиру продал? – поинтересовался Василий Петрович.

– Жена? – удивленно спросил Ромашкин. – Какая жена? Ах, жена. Так это, какая же это будет жена? Она ведь у меня не первая, – он стал загибать пальцы, вспоминая количество жен, – сначала была Света, потом Рая, потом Маргарита, теперь Люба, ого, Любочка у меня четвертая. Так вот, Любочка про эту квартиру ничего не знала, а узнала, когда я уже квартиру продал.

– И как? Не выгнала?

– Выгнать? Меня? А зачем? Конечно, сказала, что я идиот, но она ведь меня прописала, зачем выгонять? Так нам трехкомнатная квартира светит, если из аварийного дома переселят в нормальный, а если выгонит, то...

– Вы вдвоем живете?

– Да, но там прописано... в общем, все Любины родственники.

– Ну, давай, пока, Вальдемар, пойду я, – сказал Василий Петрович, протягивая Ромашкину руку.

– Я провожу.

Они обнялись и, поддерживая друг друга, стали подниматься вверх к улице, пересекающей ту, на которой находился кабак. Там, на углу, и была остановка маршрутного такси, следующего на Черёмушки. Дошли до остановки, дождались, когда небольшой жёлтый автобус с плохо освещённым номером маршрута на лобовом стекле медленно подкатил к остановке, разбрызгивая шинами воду луж. Ромашкин усадил Василия Петровича в автобус и помахал ему рукой.

Пассажиров было мало, Василий Петрович сел на свободное место у окна и печальным взглядом смотрел, как бегут за грязным, забрызганным и запотевшим стеклом огни реклам, окна домов, тусклые огни фонарей, и думал, что там, за этими окнами, в этих домах живут люди, живут своими бедами и радостями, своими проблемами, и нет им никакого дела ни до Ромашкина с его театром, ни до Василия Петровича, ни до его романа, и если он когда-нибудь его допишет и даже опубликует, то они никогда его не прочтут.

Хотя время было и позднее, возвращаться домой, в пустую квартиру, ему не хотелось. С некоторых пор Василий Петрович, как вам уже известно, жил один, с женой он разошелся несколько лет назад, дочь выросла, повзрослела, вышла замуж и уехала в другой город. А когда уехала дочь, отношения его с женой совсем разладились, с утратой необходимости укутать теплом и заботой свое дитя, которое уже жило самостоятельно, своей семьёй, жена переключилась на Василия Петровича, опекая его в мелочах, устраивая трагедии по поводу того, что он вышел на улицу без шапки, или не застегнул пуговицу, или вовремя не принял таблетку от давления. Устав от подобной заботы, он подал на развод, разошлись спокойно, без скандала, без слез и проблем с разделом имущества, жена просто уехала к маме, которая была уже в преклонном возрасте и требовала постоянной заботы и внимания.

Коммерческий сборник

Придя домой, Василий Петрович лёг в постель, но уснуть не мог, выпитое пиво не только не давало желанного облегчения и забытья, но причиняло некоторые неудобства, вызванные принятием большого количества жидкости перед сном. Несмотря на то, что выпито было не так уж и мало, опьянения он не чувствовал. В мозгу постоянно крутилась мысль, подброшенная Ромашкиным, о том, чтобы продать квартиру в городе, купить дом в деревне, а на оставшиеся деньги опубликовать роман. Он понимал, что мысль совершенно идиотская, но, как часто бывает, самые нелепые мысли одолевают нас, и кажется, что именно эта идиотская мысль решает те проблемы, которые, подчиняясь нормальной, классической, логике жизни, решить мы не в состоянии. Так незаметно для себя он уснул, ему снилось, что роман опубликован, что газеты, телевидение и радио только и говорят о его романе, он видел себя во сне успешным популярным писателем, которому все издатели наперебой предлагали опубликовать его работы.

Но как всегда наступило утро, и сон растаял в предутренней мгле, всё стало обыденным, тусклым и блеклым, работа над романом двигалась медленно, с большим трудом, никто не собирался публиковать его рассказы, повести и стихи, а для того, чтобы издаваться за свой счет, средств не было. Обыденность была печальна и бесперспективна. Спешить было некуда, он встал, умылся, сварил кофе и сел за компьютер, чтобы продолжить работу над романом. Но дело не двигалось, мысли сбивались, разбегались, не успев сложиться в слова и предложения. Он выключил компьютер и снова лег в постель. Пытался уснуть, чтобы увидеть продолжение сна, но сон не возвращался, и он подумал, что мысль о продаже квартиры совершенно дурацкая, нужно выбросить её из головы. Что думать о публикации, если он никак не может дописать этот чертов роман?

Время шло, Василий Петрович жил своей обычной жизнью: встречался с местными писателями и поэтами, публиковал свои стихи в сборнике «Понт-Эвксинской поэзии», что издавался за счёт авторов, участвовал в конкурсах, посещал презентации книг, изданных его друзьями и знакомыми за их счет, и в промежутке между этими мероприятиями работал над романом. Кроме всего этого, он внимательно следил за публикациями в коммерческом сборнике; местных литераторов там не печатали, публиковали, в основном, работы знаменитых столичных писателей и тех, кто в свое время, потратив немало сил на борьбу с коммунистическим режимом, после того как режим этот перестал существовать, в поисках лучшей жизни покинули Родину и обосновались за рубежом.

Коммерческий литературный журнал принадлежал известному в городе меценату, Мефодию Кирилову, который, прекрасно понимая, что ни поэта, ни писателя из него уже никогда не получится, на местных литераторов смотрел свысока, считая, что они со своим Понт-Эвксинским Союзом писателей и сборником, издаваемым за свой счёт, просто играют в литературу, ничего из себя при этом не представляя. Он предоставлял им помещение литературного дома Кириллы и Мефодия, не взимая за это платы, поскольку иного применения этот литературный дом не находил, а слава известного мецената города все-таки подогривала самолюбие Мефодия Кирилова.

Василий Петрович покупал каждый выпуск коммерческого журнала, читал всё, что там публиковалось, и, наконец, пришел к выводу, что его работы ничуть не хуже. Тогда он собрался духом и решил обратиться в редакцию коммерческого журнала. Пошёл он туда не сразу, его постоянно мучили сомнения, ведь никто из его знакомых литераторов города в коммерческом журнале не публиковался. На вопрос о том, почему Вы не печатаете свои работы в коммерческом литературном журнале, обычно отвечали неопределенно, сопровождая ответ вялым взмахом руки, и только один из поэтов однажды сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.